

Н.А. Пестерева

Настоящее прошлого и настоящее будущего

(Рецензия на фильм «Sound of Heimat – Deutschland singt», Arne Birkenstock, Jan Tengeler)

Название и аннотация фильма «Sound of Heimat – Deutschland singt» настраивает зрителей на ожидание романтического этнографического экскурса по знакомым и незнакомым землям любимой Германии, погружение в народный дух германских обычаев и праздников, полных теплыми созвучиями волн диалектов и интонаций.

Однако, фильм Arne Birkenstock и Jan Tengeler представляет собой уникальное воплощение специфического явления художественной культуры XXI века – «open text», который, по словам создателя этого термина Umberto Eco, втягивает зрителя, читателя, слушателя в активный диалог, приглашая к со-переживанию, со-пониманию, со-творчеству.

Открытый текст характеризуется отсутствием приемов интеллектуального диктата – зритель постепенно включается в художественную ткань, становится активным участником происходящего. Художественные средства использованы таким образом, что идея фильма не декларируется и не навязывается, а выстраивается, постигается самим зрителем. Так фильм и начинается – с репетиции хора, где дирижер приглашает вас

спеть вместе с хором. И вы включаетесь в ткань фильма, становясь уже не зрителем, а его активным участником.

Последовательность сюжетной линии фильма «Sound of Heimat – Deutschland singt» представляет собой типичный для европейской культуры образ исканий молодого человека себя. В фильме герой, отправившийся в путешествие по Германии в поисках народной музыки, подчеркнуто нейтрален – он просто европеец, из Новой Зеландии, приемный сын, родители которого шотландцы, а сам он учится в Германии. Такой образ при всем иноземном колорите постепенно растворяется в вашем сознании и это не он, а вы путешествуете по прекрасным полям и лесам, включаетесь в тусовку рокеров и поход любителей йодлей или просто пытаетесь подпевать веселым бургерам, заглянувшим на диковинное мероприятие – «Секс в народной музыке».

В действительности авторы фильма, как хлебные крошки, разбросали по всему фильму исторические коннотации, которые приводят к тихой и потому особенно пронзительной кульминации фильма – народные песни в Бухенвальде. Утонченное изуверство над человеческими душами – заставить бесхитростные и искренние тексты взять на себя двойной смысл глумления над ценностью человеческой свободы и жизни. Авторы не навязывают оценки, потому что никакие слова не могут заменить собственного до сердечной боли осязаемого сопереживания зрителя, и ведут сюжетную линию дальше – через бодрый марш советской эпохи ко второму самому главному эпизоду фильма – народная песня в кирхе.

Удивительно, как тонко выбирается тембровая окраска этого эпизода – сонорика, – действительно, неземное звучание, как будто принесенное шепотом трав и дуновением ветра. Птичка не поет зимней ночью, а мысль всегда свободна – так заложено самой человеческой природой. Любая диктатура, даже прикрывающаяся «великими» идеями, губительна для человека и для культуры, поскольку только человек и есть истинная культурная ценность как носитель и условие существования самой культуры. Мысль должна быть свободна, тогда

скромный цветок эдельвейс – только прекрасный символ любви, а созвучия китайской пентатоники – только визитная карточка великой культуры.

Как можно определить жанр фильма – фильм–откровение, фильм–покаяние, фильм–проповедь – трудно найти одно слово.

Фильм устремлен в будущее – прекрасное и оттого, наверное, кажущееся недостижимым – без диктатур, без войн, без ненависти и стыда – только музыка, человек и природа.